
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СОЮЗНЫХ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК ПРИБАЛТИКИ

20 июля 1960 г. исполняется двадцать лет с тех пор как в Литве, Латвии и Эстонии была восстановлена Советская власть, и народы Прибалтики вошли в братскую семью народов Советского Союза.

Трудящиеся Прибалтики под руководством Коммунистической партии вместе с русским пролетариатом боролись в 1917 г. за победу Октябрьской социалистической революции. В октябре — ноябре 1917 г. Советская власть была установлена на всей территории Эстонии, в неоккупированной (северной) части Латвии, а также в Латгалии, входившей тогда в состав Витебской губернии. На основе «Декларации прав народов России», утвержденной 2 (15) ноября 1917 г. Советом Народных Комиссаров, трудящиеся Прибалтики приступили к строительству национальных суверенных Советских государств.

В Прибалтике, как и во всей Советской стране, стали осуществлять коренные преобразования во всех областях политической, хозяйственной и культурной жизни. Был установлен восьмичасовой рабочий день, национализированы крупная промышленность, банки, железные дороги. Осуществлены национализация земли и конфискация помещичьих имений. Создан советский народный суд, началась организация вооруженных сил революции — Красной гвардии. Открылись широкие перспективы для развития культуры, искусства и науки. Делопроизводство и преподавание в школах впервые в истории Прибалтики стали вестись на родных языках.

Однако первый период деятельности Советской власти в Прибалтике не был продолжительным. В феврале 1918 г. германские империалисты, воспользовавшись предательством Троцкого, перешли в наступление против Советского государства. В результате вторжения немецких войск Советская власть в Прибалтике была свергнута, а ее территория полностью оккупирована.

Трудящиеся Литвы, Латвии и Эстонии, находясь под игом иностранных оккупантов, продолжали активную борьбу за восстановление Советской власти. Эта борьба за изгнание оккупантов, которой руководила Коммунистическая партия, приобрела особенно широкие размеры в конце 1918 г. В октябре этого года в Москве проходила первая конференция коммунистических организаций оккупированных областей. Конференция признала необходимым готовить под руководством местных партийных организаций вооруженное восстание. В обращении к рабочим Финляндии, Латвии, Эстонии, Литвы, Польши и Белоруссии, принятом конференцией, коммунисты призывали трудящихся немедленно начать борьбу за освобождение оккупированных территорий от иностранных захватчиков.

Растущему революционному движению народных масс способствовала благоприятно изменившаяся международная политическая обстановка — победа революции в Германии в ноябре 1918 г. и последовавшее за этим аннулирование грабительского Брестского мирного договора. В связи с этим и Советская Россия смогла оказать помощь трудящимся

ся оккупированных областей в их борьбе против гнета империалистов. Все это опрокинуло планы германских оккупантов, англо-американских империалистов и местной прибалтийской националистической буржуазии удержать в своих руках власть в Прибалтике.

29 ноября 1918 г. в Нарве, после ее освобождения от немецких оккупантов и эстонских буржуазных националистов, была провозглашена Эстонская Советская Республика (Эстляндская Трудовая Коммуна). Вслед за Нарвой частями Красной Армии, в составе которой были и эстонские коммунистические полки, была освобождена значительная часть территории Эстонии.

8 декабря 1918 г. в Вильнюсе было образовано Временное революционное рабоче-крестьянское правительство, заявившее в своем манифесте о стремлении трудящихся Литвы идти рука об руку с Советской Россией и бороться самым решительным образом за осуществление социалистического строя.

В середине декабря была провозглашена Советская власть в Латвии и вновь вступили в силу все ее законы и постановления. Резиденцией Временного Советского правительства Латвии был вначале г. Валка. 3 января 1919 г., в результате вооруженного восстания, поднятого пролетариатом, была освобождена Рига. 13 января 1919 г. в Риге открылся I Вселатвийский съезд Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов, на котором было избрано правительство Советской Социалистической Республики Латвии, принята Конституция и выработана широкая программа социалистических преобразований.

Таким образом, Советская власть была восстановлена почти во всей Прибалтике. 23 декабря 1918 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял решение о признании независимости Прибалтийских Советских республик.

За короткий срок в обстановке ожесточенной классовой борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией Советские органы власти Литвы, Латвии и Эстонии провели огромную созидательную работу. Но в результате наступления на Советскую Россию объединенных сил международного империализма и активного участия местной буржуазии и меньшевиков в подавлении революции эта работа была вскоре прервана. Захват территории Прибалтики входил в общий план первого похода Антанты. Опираясь на штыки иностранных интервентов — американских, английских, французских, немецких и других империалистов, буржуазные националисты Латвии, Литвы и Эстонии подавили молодую Советскую власть в Прибалтике и создали марионеточные буржуазные государства. Советская Россия не могла в тот момент оказать народам Прибалтики существенную помощь, так как была окружена со всех сторон интервентами и белогвардейцами и направляла свои основные усилия на борьбу с Колчаком и Деникиным.

Из трех Советских Прибалтийских республик Советская власть дольше всего продержалась в Латвии, в ее восточной части — Латгалии. Но, не имея возможности под натиском многотысячной польской и белолатышской армий удержать Латгалию, Советское правительство Латвии 13 января 1920 г. объявило о своем самороспуске. В обращении «К трудовому народу Латвии» Советское правительство заявило, что принятым им год назад от съезда Советов Латвии власть оно передает Центральному Комитету Коммунистической партии Латвии до того времени, когда снова будет возможность созвать новый съезд Советов, и что Центральный Комитет в подполье будет организовывать трудящихся Латвии на борьбу за восстановление Советской власти¹.

Несмотря на кратковременное существование Советской власти, установление диктатуры пролетариата в Литве, Латвии и Эстонии

¹ «История Латвийской ССР», т. III, Рига, 1958, стр. 199.

имело громадное значение. Это была первая победа трудящихся Прибалтики над эксплуататорами, первый шаг на пути социалистических преобразований в хозяйстве и культуре. Революция всколыхнула народы Прибалтики, придала им уверенность в своих силах, подняла на высшую ступень пролетарское движение, открыла трудящимся Литвы, Латвии и Эстонии перспективу восстановления Советской власти и упрочения дружбы с народами всей Советской страны.

Пришедшая к власти националистическая буржуазия зверски расправилась с коммунистами и многими представителями пролетариата и беднейшего крестьянства, активно защищавшими завоевания социалистической революции. Даже буржуазная печать отмечала, что города Прибалтики еще никогда ранее не переживали таких ужасов, какие имели место в те дни.

С утверждением диктатуры буржуазии Прибалтийские страны оказались насильственно политически и экономически изолированными от Советского Союза и были превращены в полуколониальные аграрные придатки империалистических государств Западной Европы. Будучи включены в систему мирового капиталистического хозяйства, они попали в тиски общего кризиса капитализма. Положение трудящихся Прибалтийских республик с первых дней господства буржуазии резко ухудшилось, с каждым годом усиливалась эксплуатация, понижались их заработки, росла дороговизна, систематически проводились массовые аресты граждан, подозреваемых в «антигосударственной деятельности». Коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии были загнаны в подполье, рабочие организации подвергались преследованиям.

Несмотря на репрессии и террор, трудящиеся Прибалтийских республик, под руководством Коммунистических партий продолжали борьбу за Советскую власть. Из года в год в Литве, Латвии и Эстонии расширялось забастовочное движение, проводились многотысячные политические демонстрации, имели место вооруженные выступления рабочих (вооруженное восстание революционного пролетариата в Таллине 1 декабря 1924 г., явившееся попыткой свергнуть режим националистической буржуазии; восстание каунасского гарнизона 21—23 февраля 1920 г. и др.). Большой размах, особенно в Литве, имели крестьянские волнения. Местная буржуазия, пытаясь удержаться у власти, перешла от буржуазной демократии к открытой политической реакции и с помощью империалистических держав совершила фашистский переворот. Но и утверждение фашистской диктатуры не надолго упрочило власть буржуазии в Прибалтике — столь велико было могучее освободительное влияние Октябрьской социалистической революции на трудящихся и столь значительным был для них факт существования и успешного развития Советского государства.

В 1940 г., при бескорыстной поддержке Советского Союза, трудящиеся Прибалтики свергли власть ненавистной клики буржуазных националистов. Социалистическая революция в Прибалтике в июле 1940 г. победила мирным путем, без вооруженного восстания и гражданской войны.

Восстановление Советской власти в республиках Прибалтики явилось исторически закономерным актом, подготовленным их предшествующим развитием и революционной борьбой трудящихся.

К своему двадцатилетнему юбилею Литовская, Латвийская и Эстонская ССР приходят со славными победами². Из отсталых аграрных стран, какими были Литва, Латвия и Эстония при господстве буржуазии, Прибалтийские Советские республики превратились в передовые,

² При оценке достижений Прибалтийских Советских республик с момента восстановления Советской власти необходимо учитывать, что немецко-фашистские оккупанты в годы Великой Отечественной войны не только отняли более трех лет времени, но и нанесли огромный ущерб народному хозяйству.

экономически высокоразвитые районы СССР. Достижения в области промышленности характеризуются быстрыми темпами развития производительных сил и огромным приростом производимой продукции.

Возьмем для примера Латвию. Объем промышленной продукции в годы господства буржуазии сократился в сравнении с 1913 г. почти на 40%, тогда как за 1945—1958 гг. валовая продукция промышленности возросла в 8,7 раза³. При этом особенно большой прирост продукции — 331,9% против 1940 г. — достигнут в таких наиболее важных отраслях промышленности, как машиностроительная и металлообрабатывающая⁴. Объем валовой продукции в Эстонской ССР возрос за период 1940—1959 гг. в 10,3 раза. Только прирост валовой продукции промышленности Эстонии, полученный в 1959 г., равен всему ее объему в 1940 г.⁵. Аналогичны показатели развития промышленности и в Литовской ССР.

Знаменательным событием в жизни трудящихся Прибалтийских Советских республик, как и всех народов Советского Союза, явился внеочередной XXI съезд КПСС, определивший грандиозную программу развернутого строительства коммунизма в СССР. Работники промышленности Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, воодушевленные задачами, поставленными XXI съездом, успешно выполняют социалистические обязательства по досрочному выполнению заданий семилетнего плана.

Итоги работы промышленности за 1959 год — первый год семилетки — свидетельствуют, что коллективы многих промышленных предприятий Прибалтийских республик уже значительно превысили первоначальные задания семилетнего плана. Больших успехов в социалистическом соревновании достигли, например, строители Каунасской ГЭС (Литва), обеспечившие в 1959 г. досрочный ввод в действие двух турбин. Гидростроителям было присвоено в 1959 г. переходящее Красное знамя Совета Министров СССР и ВЦСПС⁶. Успешно осуществляется строительство Прибалтийской ГРЭС (Эстония), которая позволит к концу семилетки не только полностью обеспечить электроэнергией Эстонскую ССР, но будет поставлять ее и в соседние Латвийский и Ленинградский экономические районы. По производству электроэнергии на душу населения Эстония обгонит все передовые капиталистические страны⁷. Производство отдельных видов продукции в Прибалтийских Советских республиках также идет с опережением сроков, установленных семилетним планом.

В Латвийской ССР, например, уровень производства строительных материалов (цемента, кирпича, стекла и др.), запланированный на конец семилетки, будет выполнен в 1962 г., а по некоторым видам промышленной продукции и еще раньше⁸.

На предприятиях Литвы, Латвии и Эстонии развернулась борьба за технический прогресс, в промышленности выросли новые люди, проявляющие кипучую творческую инициативу, растет и приобретает все больший размах общественное движение за звание ударников и коллективов коммунистического труда.

³ А. Пельше, Об интернациональном воспитании трудящихся, «Коммунист Советской Латвии», 1959, № 9, стр. 11.

⁴ Я. Калнберзин, Великая Октябрьская социалистическая революция и народы Советской Прибалтики, «Изв. АН Латвийской ССР», 1957, № 11, стр. 14.

⁵ Из отчетного доклада первого секретаря ЦК КП Эстонии И. Г. Кэбина XII съезду Коммунистической партии Эстонии, «Советская Эстония», 17 февраля 1960 г.

⁶ Из отчетного доклада первого секретаря ЦК КП Литвы А. Снечкуса XII съезду Коммунистической партии Литвы, «Советская Литва», 2 марта 1960 г.

⁷ Из доклада И. Г. Кэбина XII съезду Коммунистической партии Эстонии.

⁸ Из доклада первого секретаря ЦК КП Латвии А. Я. Пельше XVII съезду Коммунистической партии Латвии, «Советская Латвия», 17 февраля 1960 г.

Республики Советской Прибалтики достигли значительных успехов в развитии социалистического сельского хозяйства. Самым большим достижением в сельском хозяйстве является переход от старого способа производства к новому, социалистическому, на основе кооперации крестьянских хозяйств и создания совхозов.

Социалистические преобразования в сельском хозяйстве Советской Прибалтики протекали в условиях обостренной классовой борьбы, встречая упорное сопротивление кулачества и остатков других буржуазно-националистических элементов. Тем не менее коллективизация сельского хозяйства была осуществлена там в очень короткие сроки. Литва, Латвия и Эстония уже в 1950 г. стали республиками сплошной коллективизации. Такой успех социалистических преобразований в сельском хозяйстве молодых Прибалтийских Советских республик определялся рядом благоприятных причин, важнейшей из которых было то, что эти преобразования происходили в условиях победившего социализма в СССР. Это обеспечило использование богатого опыта других союзных республик и получение разносторонней помощи со стороны братских советских народов.

С победой колхозного строя перед сельским хозяйством Прибалтийских республик открылись большие перспективы. В первые годы коллективизации быстрый рост сельскохозяйственного производства тормозили еще некоторые серьезные помехи, для устранения которых требовались более длительные сроки. Нужно было освоить новые виды производства, овладеть техникой, подготовить способных и умелых руководителей — председателей колхозов, бригадиров, специалистов сельского хозяйства, нужно было преодолеть такие трудности, как хуторская система землепользования и расселения, запущенность и заболоченность земель, не говоря уже о возмещении того огромного ущерба, который был нанесен сельскому хозяйству Прибалтийских республик в годы Великой Отечественной войны немецко-фашистской оккупацией. Наконец, нужно было воспитать новых людей — тружеников социалистических полей, которые на практике убедились бы в преимуществах колхозного строя, полюбили бы свои колхозы и стремились вложить свой труд и творческую инициативу в их ускоренное развитие.

Совокупность мер, принятых за последние годы Коммунистической партией Советского Союза и Советским правительством для укрепления сельского хозяйства нашей страны, обеспечила резкий перелом и в развитии сельского хозяйства Прибалтики. Сельскохозяйственное производство в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР находится на крутом подъеме. Особенно значительны успехи, достигнутые там за последние два года.

Колхозы и совхозы Литвы, Латвии и Эстонии оснащены первоклассной техникой, завершается их электрификация, возросла культура земледелия, проведены большие работы по мелиорации, обеспечившие значительное расширение новых земель, освоены новые кормовые культуры, среди которых главное место заняла кукуруза; колхозы и совхозы располагают квалифицированными кадрами специалистов сельского хозяйства, коллективный труд в условиях новых, социалистических форм собственности сплотил и вырастил в колхозах и совхозах Прибалтики большую армию передовых людей, активно борющихся за достижение высоких показателей в сельском хозяйстве. Прибалтийские Советские республики по уровню сельскохозяйственного производства относятся к числу передовых республик нашей страны. Включившись во всесоюзное социалистическое соревнование за досрочное выполнение семилетнего плана, труженики сельского хозяйства Советской Прибалтики уже достигли таких результатов, какие были немыслимы при буржуазном строе. Достаточно сказать, что республики Советской Прибалтики по производству молока и масла на душу населения уже в

1958 г. перегнали США, а по производству мяса рассчитывают осуществить это не позднее 1963 г. Наиболее передовые колхозы Литвы, Латвии и Эстонии по некоторым показателям сельскохозяйственного производства уже к концу 1959 г. превзошли уровень, намеченный для этих республик к концу семилетки.

За годы Советской власти неизмеримо возрос жизненный уровень трудящихся Советской Прибалтики. Из года в год растет национальный доход республик, увеличивается оборот розничной торговли, быстро растет объем народного потребления. Так, в Эстонской ССР за последние два года увеличилась продажа населению мяса на 59%, животного масла на 12%, молока — на 40%; хлопчатобумажных тканей продано на 50% больше, обуви — на 30%, мебели — на 36%. Каждому трудящемуся гарантированы постоянная работа, регулярный отпуск, материальное обеспечение в старости, бесплатная медицинская помощь. Из года в год растут реальная заработная плата рабочих и служащих и доходы колхозников, осуществляется переход на семичасовой рабочий день, увеличиваются ассигнования на жилищное строительство и благоустройство городов и сел. Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют неустанную заботу об охране здоровья народа, в ряде районов Прибалтийских республик построены или строятся новые больницы, поликлиники, детские учреждения. В Литовской ССР, например, число больничных коек возросло за годы Советской власти более чем в 2,5 раза⁹, в Эстонской ССР — почти в два раза¹⁰.

Политика партии, вся ее практическая деятельность направлены на то, чтобы советские люди из года в год жили все лучше и лучше, чтобы наиболее полно удовлетворялись их постоянно растущие материальные потребности и духовные запросы.

Литовцы, латыши, эстонцы — народы древней культуры, развивавшейся в тесном общении с русской и мировой культурой. Однако ее блага оставались долгое время недоступными для широких масс трудящихся.

В буржуазной Литве, по официальным данным, в 1928 г. вне школы оставалось 60% детей школьного возраста. В Эстонии свыше половины детей трудящихся не оканчивали начальную школу, около 80% учащихся из-за материальной необеспеченности не могли продолжать обучение в средней школе. В Латвии оканчивало начальную школу только около 35% детей, из них в среднюю школу поступало менее одной трети, а оканчивало ее лишь 20—25% поступивших. Часть детей, оканчивавших начальную школу, получала аттестаты II степени, которые не давали права поступления в среднюю школу; в последней также были введены аттестаты II степени, на основании которых нельзя было поступить в высшую школу¹¹.

С победой социализма в республиках Прибалтики произошла продолжительная культурная революция. Непрерывно растут государственные ассигнования на социально-культурные нужды. На эти расходы выделяется свыше половины республиканского бюджета. Кроме того, значительные суммы на содержание высших учебных заведений и ремесленных училищ выделяются из союзного бюджета. Ни в одной буржуазной стране средства на народное просвещение не занимают такого большого места в государственном бюджете. Во всех трех Советских Прибалтийских республиках успешно осуществляется обязательное семилетнее обучение. Начался переход к всеобщему обязательному

⁹ Из доклада первого секретаря ЦК КП Литвы А. Снечкуса XII съезду Коммунистической партии Литвы.

¹⁰ Из доклада первого секретаря ЦК КП Эстонии И. Г. Кэбина XII съезду Коммунистической партии Эстонии.

¹¹ «История Латвийской ССР», т. III, стр. 420; «История Литовской ССР», т. II, Вильнюс, 1958, стр. 211; «История Эстонской ССР. Сокращенный курс», Таллин, 1957, стр. 119.

восьмилетнему обучению. Значительно расширилась сеть школ, особенно средних.

В Латвии в 1940 г. работали 72 средние школы, в которых обучалось около 16 тыс. чел.; в 1959/60 г. в республике действовали 277 средних школ с 142,8 тыс. учащихся. В Советской Литве семилетних школ стало в 31 раз больше, чем было прогимназий в годы господства буржуазии. В Эстонии число учащихся старших классов средней школы к 1958 г. возросло по сравнению с 1940 г. более чем в семь раз. Свыше 80% молодежи, окончившей семилетнюю школу, продолжает учиться в средних учебных заведениях.

Большую роль в подготовке национальных квалифицированных кадров для основных отраслей народного хозяйства Прибалтийских республик и культурного строительства играет во много раз возросшая за годы Советской власти сеть средних профессиональных учебных заведений — техникумов, специальных училищ и школ. В Эстонии число техникумов увеличилось с 17 в 1939 г. до 33 в 1959/60 г., а число учащихся в них возросло более чем в пять раз. В Латвии в 59 техникумах и других учебных средних заведениях обучается 23,9 тыс. чел. (в буржуазной Латвии в подобного рода учебных заведениях было не более 6—7 тысяч учащихся). О колоссальной тяге народа к знанию, об огромной заботе Советской власти о культурном росте населения говорит тот факт, что в Латвии, например, во всевозможных учебных заведениях и на различных курсах в 1959/60 г. обучалось более 425 тыс. чел.¹²

Коренные изменения произошли в постановке высшего образования. В буржуазных Литве, Латвии и Эстонии высшее образование было привилегией небольшого числа наиболее обеспеченной молодежи. Очень многие специалисты с высшим образованием не могли найти применения полученным знаниям, работали не по специальности или пополняли ряды безработной интеллигенции. В Литовской, Латвийской и Эстонской ССР двери высших учебных заведений широко открыты для детей рабочих, крестьян и интеллигенции, и ни перед одним молодым специалистом не стоит угроза безработицы.

Потребность в специалистах с высшим образованием во всех областях народного хозяйства и культуры настолько велика, что все высшие учебные заведения, несмотря на значительное расширение их, не могут удовлетворить нужды республик. Много молодежи Литвы, Латвии и Эстонии учится в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза. Кроме того, в Прибалтийские республики, как и в другие республики Советского Союза, приезжают молодые специалисты, оканчивающие центральные высшие учебные заведения и направляемые на работу по запросам этих республик.

В буржуазной Латвии было всего четыре высших учебных заведения, в которых обучалось 7 тыс. студентов. В Советской Латвии функционируют восемь высших учебных заведений с 18,9 тыс. студентов. Если в буржуазной Латвии за 20 лет было выпущено из высшей школы всего 6772 специалиста, в том числе 169 богословов, то советские высшие учебные заведения Латвии только за десять послевоенных лет подготовили более 22 тыс. специалистов (данные 1960 г.). В Эстонии в 1939 г. было три высших учебных заведения, сейчас их шесть, а число студентов в них возросло почти в три раза. Численность специалистов с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве республики, возросла с 4,8 тыс. в 1940 до 22,5 тыс. в 1960 г. В Литовской ССР имеется двенадцать высших учебных заведений (не считая заочных). Если в годы

¹² Данные получены в министерствах просвещения Литовской, Латвийской и Эстонской ССР.

буржуазной власти в Литве было 4 тысячи студентов, то теперь их более 25 тысяч¹³.

Крупнейшими высшими учебными заведениями в Эстонии являются Тартуский государственный университет, Таллинский политехнический институт, Эстонская сельскохозяйственная академия. Восстановленный и расширенный после войны Тартуский университет выпускает ежегодно сотни врачей, математиков, юристов, историков, языковедов, геологов, географов и других специалистов. В Латвии основной кузницей высококвалифицированных кадров является Латвийский государственный университет, основанный Советским правительством в 1919 г. на базе Рижского политехнического института. За послевоенные годы университет окончили около 8 тысяч студентов по 12 специальностям. В 1952 г. на базе медицинского факультета Латвийского университета был создан Медицинский институт, а в 1958 г. на базе механического и архитектурного факультетов — Политехнический институт. Одним из крупнейших высших учебных заведений Советского Союза является Латвийская сельскохозяйственная академия. Широкой известностью пользуются Латвийская академия художеств и консерватория. В Литве в числе наиболее крупных высших учебных заведений должны быть названы Вильнюсский государственный университет, Сельскохозяйственная и Ветеринарная академии, Политехнический и Медицинский институты.

Большие успехи достигнуты в области подготовки и переподготовки педагогических кадров. В буржуазной Латвии работало около 10 тыс. учителей, большинство из них не имело педагогического образования. Кадры учителей готовились в трех небольших учительских институтах. Высших педагогических учебных заведений не было. В шестилетних основных школах один учитель, как правило, преподавал все предметы, даже в старших классах не было специалистов по отдельным предметам. Ныне в республике работают два высших педагогических института с общим числом 2560 студентов и одно педагогическое училище, в котором обучается 300 чел. Преподавателей-специалистов готовят и другие вузы. Около $\frac{2}{3}$ общего числа учителей, работающих сейчас в школах, имеют высшее или незаконченное высшее образование; большинство их завершают образование в вечерней или заочной сети вузов.

Исключительно благоприятные условия созданы в Советских Прибалтийских республиках для расцвета науки. В Литовской ССР в 1941 г., а в Латвийской и Эстонской ССР в 1946 г. основаны академии наук. В Литве Академия наук объединяет одиннадцать научно-исследовательских институтов по всем важнейшим отраслям знаний; в Эстонии — одиннадцать институтов, три музея и пять научных обществ; в Латвии в составе Академии наук работают четырнадцать научно-исследовательских институтов, фундаментальная библиотека и Литературный музей им. Я. Райниса. Кроме институтов академий наук, существует еще ряд отраслевых научно-исследовательских институтов. Крупные научные исследования проводятся профессорско-преподавательским составом высших учебных заведений республики, опытных сельскохозяйственных станций, геофизических обсерваторий, музеев. Ученые Прибалтийских Советских республик в содружестве с работниками Академией наук СССР и некоторых союзнореспубликанских академий, разрешают многие проблемы, имеющие значение для развития промышленности, сельского хозяйства, культуры и здравоохранения. Большое внимание уделяется изучению природных богатств Прибалтийских республик и путей их рационального использования. В Эстонской ССР народнохозяйственное значение имеют исследования в об-

¹³ Данные получены в Государственных плановых комиссиях Советов Министров Латвийской, Литовской и Эстонской ССР.

ласти комплексного энерго-химического использования сланцев, производства из сланцевых отходов новых видов строительных вяжущих материалов, а также геологические изыскания; общесоюзное значение получили астрономические исследования в г. Тарту. Учеными Литвы выполнены значительные работы по проблемам освоения гидроресурсов, рационального использования торфа, мелиорации земель и облесения территории республики. В Латвии разработан ряд научных проблем, среди которых большое значение имеют исследования полезных ископаемых, проблемы развития техники, экономики, повышения урожайности сельскохозяйственных культур, разведения и кормления скота, развития лесного хозяйства, разработки технологии производства некоторых медикаментов и др.¹⁴.

В институтах общественных наук проводятся работы по изучению истории эстонского, латышского и литовского народов, их литературы и языка. Значительные средства отпускаются на экспедиционные и изыскательные работы. Так, большой размах приобрели археологические исследования: открыты мезолитические поселения в Восточной Латвии и Северной Эстонии, ведутся раскопки ряда неолитических стоянок, широко развернулись исследования древних городищ и селений, давшие ценный материал для характеристики хозяйства, культуры и быта прибалтийско-финских, летто-литовских и славянских племен. Ведутся также раскопки древних городов Вильнюса и Трокая в Литве. Не менее важное значение имеют исследования лингвистов, в частности в области изучения диалектов прибалтийских языков.

Деятельность многих ученых Прибалтики получила признание всего советского народа. Широко известны труды вице-президента Академии наук Латвийской ССР Героя Социалистического Труда микробиолога А. Кирхенштейна, Заместителя Председателя Верховного Совета СССР члена-корреспондента АН СССР Я. Пейве, члена-корреспондента АН СССР языковеда Я. Эндзелиня, 80-летие которого недавно отмечала научная общественность Латвии, члена-корреспондента АН СССР Я. Зутиса — автора многих исследований по истории эпохи феодализма в Прибалтике, действительного члена Академии наук Эстонской ССР археолога Х. А. Моора, члена-корреспондента АН СССР Президента Академии наук Литовской ССР Ю. Ю. Матулиса, специалиста в области электрохимии, историка профессора К. Яблонскиса и др.

Под руководством ученых старшего поколения успешно работает молодежь. Основным руслом подготовки высококвалифицированных научных кадров является аспирантура, созданная при институтах республиканских академий наук и при университетах. Так, в системе Академии наук Литовской ССР в 1959 г. проходили аспирантскую подготовку свыше 100 человек. Значительное число молодых специалистов из Прибалтийских республик прикомандировано для прохождения аспирантуры к институтам Академии наук СССР. Так, за последние пять лет только по этнографической специальности подготовлено путем прикомандирования к Институту этнографии АН СССР из Латвии, Литвы и Эстонии десять аспирантов; семь из них уже защитили диссертации, и три представили свои диссертации к защите.

Отличительной чертой организации работы в советских научных учреждениях является регулярная взаимоинформация о проделанных исследованиях и координация научной деятельности близких по профилю институтов союзной и республиканских академий наук. Большое значение в этом отношении имеет созыв научных сессий и конференций, посвященных тем или иным проблемам. В частности, в области исторических наук за последние годы в Прибалтийских Союзных республиках было проведено несколько таких сессий: по вопросам периодиза-

¹⁴ Данные почерпнуты из годовых отчетов академий наук Литовской, Латвийской и Эстонской республик.

ции истории Латвии, Литвы и Эстонии, по проблемам этногенеза и др. В них приняли участие ученые Прибалтийских республик, Белоруссии, Украины, Молдавии и академических учреждений Москвы и Ленинграда.

Новой формой работы научных учреждений Прибалтики является организация выездных сессий на крупных предприятиях или в сельских районах республики с целью более широкого ознакомления трудящихся с научными достижениями и привлечения специалистов, занятых на производстве, в сельском хозяйстве или в культурных учреждениях, к разработке или обсуждению выдвигаемых научных проблем. Такие выездные сессии регулярно проводятся Институтом истории Академии наук Латвийской ССР. В 1957 г., например, была организована выездная сессия в небольшом городке Лимбажи, где были доложены результаты работы комплексной этнографической экспедиции, обследовавшей культуру и быт сельского населения Лимбажского района. Район этот представляет интерес не только для латвийских, но и для эстонских историков, этнографов и лингвистов, так как в прошлом эту территорию населяли финно-угорские племена ливов; ливские элементы прослеживаются и сейчас в особенностях культуры и языка современного населения. В 1958 г. выездная сессия состоялась в г. Валке, в 1959 г. — в г. Мадоне.

Хранилищами ценнейших памятников народной культуры являются музеи Прибалтики. Только в одной из республик — Латвийской ССР имеется двадцать два музея, в том числе тринадцать вне Риги. К республиканским музеям исторического профиля относится Музей истории Латвийской ССР, расположенный в одном из старинных замков. Он располагает богатыми археологическими и этнографическими коллекциями. Особенно полно представлены коллекции народной одежды.

Латвийский этнографический музей расположен в 12 км от Риги. До недавнего времени это был единственный в СССР музей на открытом воздухе. В музее, представлявшем собой парк площадью в 70 га, экспонируются комплексы крестьянских строений в виде отдельных усадеб с обставленными мебелью жилыми домами и хозяйственными постройками. Каждый из комплексов отражает специфику народного зодчества той или иной этнографической области Латвии. Экспонаты музея характеризуют также резкое имущественное неравенство в среде крестьянства, имевшее место в капиталистической Латвии. За последние три-четыре года музеи на открытом воздухе основаны еще в трех районах Латвии (Вентспилском, Екабпилском и Лудзенском), предприняты шаги для создания такого музея и в Эстонской ССР (в окрестностях г. Таллина). Крупнейшим в Эстонии является Этнографический музей Академии наук Эстонской ССР в г. Тарту. Этот музей, как и Музей истории Латвийской ССР, создан еще в начале XX в. В годы фашистской оккупации здание его было сожжено и значительная часть экспонатов погибла или была испорчена. В первые же послевоенные годы, несмотря на большие затруднения с размещением учреждений в пострадавшем от военных действий г. Тарту, для музея было выделено специальное здание. Следует, однако, сказать, что по своей площади оно не удовлетворяет музей и в будущем намечается строительство нового здания. В Литовской ССР археологические коллекции концентрируются в Художественном музее имени Чурлиониса в Каунасе; там же имеются и некоторые этнографические коллекции, преимущественно предметы народного изобразительного искусства. Основные этнографические коллекции представлены в Этнографическом музее Института истории Академии наук Литовской ССР, который, однако, все еще не получил специального здания и большую часть материалов вынужден пока хранить в свернутом состоянии.

Кроме прибалтийских музеев, богатые этнографические коллекции

по народам Прибалтики имеются в Государственном музее народов СССР в Ленинграде.

Развитие этнографии в Советских Прибалтийских республиках неразрывно связано с успехами социалистического строительства и началом перехода к коммунизму в годы семилетки в соответствии с историческими решениями XXI съезда КПСС. В настоящем номере журнала помещены специальные статьи, посвященные конкретной истории этнографии в Литве, Латвии и Эстонии в 1940—1960 гг.¹⁵ Здесь же целесообразно остановиться только на главных явлениях этой истории, общих для всех трех республик Советской Прибалтики, на организационных формах сотрудничества литовских, латвийских и эстонских этнографов между собою и с учеными других союзных республик, а также на важнейших комплексных проблемах историко-этнографического характера, разрабатываемых совместно всеми этими исследователями. Основное внимание должно быть сосредоточено, конечно, на тех проблемах, которые имеют наибольшее практическое и теоретическое значение для построения социализма и коммунизма, для развития советской науки в целом, для борьбы с буржуазной, в особенности националистической, идеологией, для правильного освещения с позиций марксизма-ленинизма прошлого, настоящего и будущего народов Советской Прибалтики.

В первые годы после изгнания фашистских оккупантов и восстановления Советской власти в Прибалтике важнейшие задачи в области этнографии в Литве, Латвии и Эстонии заключались в перестройке на основе марксистско-ленинской методологии всей этой науки,—сильно зараженной в период буржуазной диктатуры различными идеалистическими, а нередко и открыто реакционными «теориями»,—в использовании и перевоспитании старых и подготовке новых этнографических кадров, в восстановлении разрушенных во время войны музеев и исследовательских учреждений, наконец—в составлении плана этнографических работ в соответствии с требованиями развития экономики, культуры и науки Прибалтийских Советских республик. Приступая к решению этих ответственных задач, прибалтийские этнографы сразу же столкнулись с острой необходимостью выйти за рамки чисто республиканских интересов, согласовать свою деятельность с работой этнографических учреждений других союзных республик и прежде всего с работой Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. В то же время и сам этот Институт, развертывая работы по этнографии Европейской части СССР, включил в план своей деятельности изучение культуры и быта литовцев, латышей и эстонцев.

В 1948—1949 гг. отдельные сотрудники Института этнографии выезжали в Прибалтийские республики для ознакомления с проводящейся там этнографической работой и установления связей со своими литовскими, латышскими и эстонскими коллегами. Результатом этих поездок было опубликование на страницах журнала «Советская этнография» первых информационных статей по этнографии прибалтийских народов¹⁶. Тогда же появилось и краткое сообщение латышского писателя и фольклориста Я. Я. Ниедре «Изучение народного творчества в Латвийской ССР»¹⁷. Статьи эти способствовали поднятию интереса к этнографии народов Прибалтики у советской научной общественности. Такое же значение имела и этнографическая экспедиция в Эстонию,

¹⁵ См. ниже статьи: А. И. Вишняускайте, Этнографические исследования в Литве 1940—1960 гг., стр. 134—138; М. К. Степерманис, Развитие этнографической науки в Советской Латвии, стр. 139—144; А. О. Вийрес, Эстонская советская этнография (1940—1960), стр. 145—151.

¹⁶ П. И. Кушнер, Государственный музей народного быта Латвийской ССР, «Сов. этнография», 1948, № 3, стр. 164—168; Н. Н. Чебоксаров, Этнографическая работа в Советской Прибалтике, «Сов. этнография», 1949, № 4, стр. 180—188.

¹⁷ «Сов. этнография», 1949, № 4, стр. 189—194.

организованная Институтом этнографии Академии наук СССР летом 1949 г.¹⁸ Все это подготовило почву для созыва весной 1950 г. в Москве специального совещания по этнографии народов Советской Прибалтики, в котором приняли участие ученые Литвы, Латвии и Эстонии (всего более 50 человек). На совещании были подведены итоги этнографических исследований 1945—1949 гг. по прибалтийским народам, подвергнуты всестороннему критическому разбору положительные и отрицательные стороны этих исследований и намечены темы дальнейших согласованных работ, в первую очередь по изучению социалистического переустройства культуры и быта литовцев, латышей и эстонцев, их этногенеза и этнической истории, хозяйственно-культурных связей их между собою и с соседними народами, в особенности с русскими и белорусами¹⁹.

К сожалению, по первой теме, самой важной для всей советской этнографической науки, работа в Прибалтике не получила тогда должного развития, хотя материалы по новым явлениям в хозяйстве, быту и культуре колхозного крестьянства (а несколько позднее — и рабочих) стали накапливаться по всем прибалтийским народам. Ценные данные были собраны, например, в 1950—1951 гг. в Литве по современной культуре колхозников б. Шяуляйской области. Литовские этнографы приступили во время полезных этнографических работ тех лет к систематическому изучению семейной жизни крестьянства разных районов Литовской ССР, обращая особое внимание на развитие новых, социалистических отношений между людьми²⁰. Исследование социалистических преобразований хозяйства, культуры и быта латышских крестьян начала с 1949 г. в колхозах Латвийской ССР Л. Н. Терентьева²¹. В Эстонии попытки этнографического изучения современного быта и культуры колхозников предпринимались примерно в то же время Народным Музеем в Тарту (теперь Тартуский этнографический музей Академии наук Эстонской ССР).

Большое научное значение имели работы эстонских этнографов и фольклористов по изучению культурно-хозяйственных связей между эстонцами и русскими, особенно интенсивных на востоке Эстонской ССР, у берегов Чудского и Псковского озер. Вопросу этому было посвящено несколько докладов на совещании 1950 г.²²; позднее он остался в центре внимания эстонских исследователей и занял одно из главных мест в их совместной работе с русскими учеными. К десятилетию образования Эстонской ССР в Народном музее в Тарту была развернута специальная выставка, посвященная дружбе русского и эстонского народов по данным истории и этнографии. Содружество эстонских и русских ученых сказалось в самой организации этой выставки: в ее подготовке принял участие Ленинградский Государственный музей этнографии, выделивший для выставки из своих фондов ряд ценных

¹⁸ В. Н. Белицер, Этнографическая работа в Эстонской ССР в 1949 году, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, 1950, стр. 118—129.

¹⁹ Доклады, зачитанные на этом совещании, были опубликованы в специальном (XII) выпуске «Кратких сообщений Ин-та этнографии» (М., 1950). См. также: Л. Н. Терентьева, Совещание по этнографии народов Советской Прибалтики, «Сов. этнография», 1950, № 2, стр. 189—193.

²⁰ А. И. Вишняускайте, Быт и культура колхозников Шяуляйской области Литовский ССР, «Сов. этнография», 1952, № 4, стр. 170—173; ее же, Литовская крестьянская семья в прошлом и настоящем, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIII, М., 1954, стр. 66—77.

²¹ Л. Н. Терентьева, На пути к зажиточной и культурной жизни, «Сов. этнография», 1951, № 2, стр. 85—104; см. также более поздние ее работы, упомянутые ниже.

²² А. Х. Моора, Эстоно-русские отношения в XVIII—XX вв. по данным этнографии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, стр. 45—54; Р. Я. Вийдалеп, Отражение эстоно-русских отношений в эстонских народных сказках, там же, стр. 83—86; Х. Тампере, Русское влияние на развитие эстонской народно-песенной мелодии, там же, стр. 96—102.

экспонатов²³. Латвийские и литовские ученые также стали обращать в своих работах все большее и большее внимание на связи своих народов с русскими, совершенно игнорировавшиеся в период буржуазной диктатуры. Очень показательными в этом отношении были выступления на совещании 1950 г. латвийского историка культуры и литературоведа Р. А. Пельше и литовского фольклориста М. Вимерите²⁴. Тогда же участники совещания пришли к заключению, что вопрос о хозяйственно-культурных связях между народами Прибалтики и русскими, не потерявший своего теоретического и практического значения и в наши дни, является частью более широкой проблемы происхождения и дальнейшей этнической истории указанных народов.

Для разрешения этой большой исторической проблемы в 1952 г. начала свою работу Балтийская этнографо-антропологическая экспедиция, организованная Институтом этнографии Академии наук СССР совместно с академическими и некоторыми другими научно-исследовательскими институтами и музеями всех трех Прибалтийских республик, ведущими этнографическую работу. В задачи экспедиции входило всестороннее этнографическое и антропологическое исследование народов Советской Прибалтики с целью выяснения их происхождения, этнической истории и культурных взаимоотношений с соседними народами, в особенности с русскими и белорусами. Балтийская экспедиция явилась ярким выражением творческого сотрудничества этнографов и антропологов Литвы, Латвии и Эстонии с их московскими и ленинградскими товарищами; она стала, вместе с тем, основной формой координации всех этнографических и антропологических исследований в Прибалтийских республиках и соседних районах РСФСР и БССР. Полевые этнографические и антропологические исследования осуществлялись отрядами Балтийской экспедиции в Литве, Латвии и Эстонии ежегодно на протяжении 1952, 1953 и 1954 гг.; в отрядах этих бок-о-бок работали ученые всех трех Прибалтийских республик, Москвы и Ленинграда. Этнографические отряды провели систематическое обследование особенностей ряда элементов культуры — сельскохозяйственных орудий, поселений, жилища, хозяйственных построек, одежды и др. — у различных местных групп населения Прибалтийских республик, а также смежных с ними районов Российской Федерации и Белоруссии²⁵.

Антропологическими отрядами были обследованы 45 групп литовцев, латышей и эстонцев, а также куршей Литвы, ливов, ижорцев, русских и белорусов смежных с Прибалтикой районов. В результате этих работ Литва, Латвия и Эстония стали одними из наиболее полно изученных в антропологическом отношении Советских республик; впервые здесь были собраны материалы, методически сопоставимые с данными об антропологическом составе населения других частей нашей страны²⁶. Существенным дополнением к антропологическим материалам по современному населению явились развернутые в те же годы

²³ См. Л. Н. Терентьева, Дружба русского и эстонского народов по данным этнографии и истории, «Сов. этнография», 1951, № 3, стр. 174—178.

²⁴ Р. А. Пельше, Связи латышской и русской культуры; «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XII, стр. 38—44; М. Вимерите, Идеальная и тематическая общность литовских и славянских сказок о животных, там же, стр. 87—89.

²⁵ См.: Л. Н. Терентьева, О работе Комплексной Балтийской экспедиции в 1952 году, «Сов. этнография», 1953, № 1, стр. 182—190; ее же, Работа Балтийской комплексной антрополого-этнографической экспедиции в 1953 — начале 1954 года, «Сов. этнография», 1954, № 3, стр. 106—111.

²⁶ Н. Н. Чебоксаров, Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции», стр. 13—35; М. В. Витов, Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики, Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, т. I, М., 1959, стр. 561—578; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология Восточной Прибалтики, Труды Прибалтийской экспедиции, т. II, М., 1959.

исследования по палеоантропологии Восточной Прибалтики²⁷. Результаты работ как антропологических, так и этнографических отрядов Балтийской экспедиции докладывались и оживленно обсуждались на конференциях и научных сессиях, посвященных итогам полевых исследований. В 1953 г. такие конференции были проведены в Вильнюсе, Риге, Тарту, а затем и в Москве специально по работам Балтийской экспедиции²⁸. В 1954 и 1955 гг. доклады об этнографических и антропологических исследованиях в Советской Прибалтике заслушивались на заседаниях экспедиционных сессий Отделения исторических наук и Института этнографии Академии наук СССР²⁹.

Работая над проблемами происхождения народов Прибалтики, их этнической истории и хозяйственно-культурных связей, советские этнографы всегда ощущали необходимость согласования своих исследований с работами археологов и языковедов, отчасти также историков и экономистов. Такая необходимость прямо вытекает из комплексности вопросов этногенеза, которые могут быть успешно разрешены только путем использования и сопоставления данных различных общественных наук. Для лучшей координации, углубления и расширения всех исследований в области этногенеза и этнической истории народов Советской Прибалтики Бюро отделения исторических наук Академии наук СССР в начале 1955 г. приняло решение об организации Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, в работах которой приняли участие Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая и Институт истории материальной культуры (ныне Институт археологии) Академии наук СССР, Институт истории Академии наук Литовской ССР, Институт истории и материальной культуры Академии наук Латвийской ССР, Институт истории и Этнографический музей Академии наук Эстонской ССР. Так как узловые проблемы этнической истории литовцев, латышей и эстонцев могут быть успешно разрешены только с учетом их хозяйственно-культурного взаимодействия с соседями, к участию в Прибалтийской объединенной экспедиции были привлечены также Институт истории Академии наук Белорусской ССР и Карельский филиал Академии наук СССР³⁰.

В связи с развертыванием работ Прибалтийской экспедиции в мае 1955 г. в Вильнюсе была проведена научная конференция по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики. На конференции было заслушано 43 доклада по различным общим и частным вопросам этих наук, связанным с проблемами происхождения и этнической истории прибалтийских народов. Был также обсужден и утвержден перспективный план работы экспедиции на 1955—1959 гг. В работе конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Риги, Таллина, Тарту, Петрозаводска и других городов (всего свыше 50 человек). Для руководства работами Прибалтийской экспедиции был создан Совет экспедиции, в состав которого вошли представители всех участвующих в ней центральных и республиканских научных учреждений³¹. Вильнюсская конференция 1955 г. знаменовала, несомненно, начало нового этапа в развитии координированных исследований народов Со-

²⁷ К. Ю. Марк, Палеоантропология Эстонской ССР, «Балтийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXII, М., 1956, стр. 170—228; В. П. Якимов, Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики, там же, стр. 245—272.

²⁸ «Конференция по итогам работы Комплексной Балтийской антрополого-этнографической экспедиции за 1952 год», «Сов. этнография», 1953, № 2, стр. 197—200.

²⁹ «Сессия, посвященная итогам археологических и этнографических исследований 1953 г.», «Сов. этнография», 1954, № 3, стр. 82—97; «Сессии, посвященные итогам экспедиционных работ 1954 г.», «Сов. этнография», 1955, № 3, стр. 147—162.

³⁰ См.: С. А. Тараканова, Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этногенеза народов Прибалтики, «Сов. этнография», 1956, № 2, стр. 3—17.

³¹ Там же.

ветской Прибалтики учеными различных специальностей. К спаянному коллективу этнографов и антропологов, принимавших участие в Балтийской экспедиции Института этнографии Академии наук СССР, присоединились археологи, а частично также языковеды. Значительно расширились и географические границы работ экспедиции, охватывшие теперь северо-западные области РСФСР, Карелию и Белоруссию.

В области этнографии и антропологии работы Прибалтийской экспедиции, проводившиеся в 1955—1959 гг., представляли собой непосредственное продолжение исследований Балтийской этнографо-антропологической экспедиции 1952—1954 гг. и опирались в значительной степени на накопленные за те годы и частично уже опубликованные материалы. Еще в 1954 г. вышли в свет «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции», содержащие ряд статей по этнографии, этнической антропологии и археологии Литвы, Латвии и Эстонии³². Интересно отметить, что в этой книге уделялось внимание не только основным народам Советской Прибалтики, но и живущим там русским, оказавшим существенное влияние на культуру и быт своих прибалтийских соседей и в свою очередь многое перенявшим у них³³. В 1956 г. был опубликован «Балтийский этнографический сборник»³⁴, в который вошли монографии «Земледелие в Литве в эпоху феодализма» (П. В. Дундулене), «Эстонское крестьянское жилище в XIX — начале XX в.» (Н. В. Шлыгина), «Жилище и хозяйственные строения Восточной Литвы XIX — начала XX в.» (Г. И. Гозина), «Пища и домашняя утварь литовских крестьян в XIX и начале XX в.» (В. К. Милюс), «Палеоантропология Эстонской ССР» (К. Ю. Марк), «Антропологический тип ливов» (Р. Я. Денисова), «Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики» (В. П. Якимов). Значительно интенсифицировалась также публикация этнографических работ в самих Советских Прибалтийских республиках³⁵.

Полевые этнографические исследования после организации Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции продолжали расширяться и углубляться. Как и прежде, ежегодно работали этнографические отряды во всех трех Советских республиках Прибалтики. В состав этих отрядов входили работники Института этнографии Академии наук СССР и республиканских научных учреждений. Более активным, чем раньше, стало участие в работе экспедиции сотрудников музеев: Этнографического музея Академии наук Литовской ССР (Вильнюс), Музея истории Латвийской ССР (Рига), Этнографического музея Академии наук Эстонской ССР (Тарту) и некоторых других. Работниками музеев производился сбор вещевых материалов для пополнения этнографических коллекций. С 1956 г. интенсифицировались этнографические

³² Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIII, М., 1954.

³³ См. О. А. Ганцкая, Некоторые материалы по этнографии старожильческого русского населения Литовской ССР, «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции», стр. 78—88; К. И. Козлова, Русские западного побережья Чудского озера, там же, стр. 152—158; А. А. Вольма, Народная одежда смешанного русско-эстонского населения южной части Йыхвиского района, там же, стр. 159—164.

³⁴ Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, том XXXII, М., 1956.

³⁵ Подробно об этих публикациях сказано в статьях А. И. Вишняускайте, М. К. Степерманиса и А. О. Вейреса, упомянутых выше (прим. 15). Важнейшие из них: «Вопросы этнической истории эстонского народа», Сборник статей, под ред. Х. А. Моора, Таллин, 1956 (см. рецензию на эту книгу в настоящем номере журнала, стр. 180—182); «Eesti rahvarõivaid» (Альбом народной эстонской одежды), Таллин, 1957; «Archeoloģija un Etnografija», I, Rīga, 1957 (см. рецензию С. А. Таракановой и Л. Н. Терентьевой на это издание в журн. «Сов. этнография», 1959, № 1, стр. 181—187); «Ļv Latvīu Kultūras īstorijs» (Из истории культуры ливского народа), Вильнюс, т. I, 1958; т. II, 1959 (третий том этого издания подготовлен к печати; см. Труды Академии наук Литовской ССР, серия А, 1960, стр. 239); «Etnograāfija muuseumi aastaraamat» (Ежегодник этнографического музея), XVI, Таллин, 1959 (см. рецензию в настоящем номере журнала, стр. 192—195).

работы в Карелии, осуществляемые Прибалтийской экспедицией совместно с Карельским филиалом АН СССР. Значительно расширилась тематика этнографических исследований: наряду с сельскохозяйственными орудиями, поселениями, жилищем, хозяйственными постройками, костром в большей мере по сравнению с предыдущими годами изучали рыболовство, ремесла и другие отрасли хозяйства, средства передвижения, пища и утварь, семейный быт, духовная культура. Продолжали также антропологические работы в Прибалтике и на смежных территориях. Р. Я. Денисова обследовала несколько групп восточных литовцев и восточных латышей³⁶. Под руководством М. В. Витова было осуществлено антропологическое изучение 50 местных групп современного населения Белоруссии и соседних районов Украины. К. Ю. Марк собрал новый материал по палеоантропологии Эстонии³⁷. В. П. Алексеев следовал в 1957—1959 гг. свыше 300 черепов из могильников XVI—XVIII вв. — латгальских (в окрестностях Лудзы), русских (в Себежском районе) и шведских (на о. Вормси). В 1956—1959 гг. в Институте этнографии в Москве ежегодно созывались специальные научные сессии, на которых по итогам полевых исследований, на которых заслушивались и оживленно обсуждались этнографические и антропологические работы по Прибалтике³⁸.

Подробный обзор археологических работ Прибалтийской экспедиции, также получивших в 1956—1959 гг. широкий размах, не входит задачу настоящей статьи. Отметим только, что работы эти велись во всех Прибалтийских республиках в тесном контакте с этнографами, дали результаты, чрезвычайно важные для разрешения проблем происхождения, этнической истории и хозяйственно-культурных связей всех народов Советской Прибалтики. В конце 1959 г. вышли из печати два тома «Трудов Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции под общей редакцией Х. А. Моора, Б. А. Рыбакова, С. П. Толстова и Н. Н. Чебоксарова. Первый том носит название «Вопросы этнической истории народов Прибалтики (по данным археологии, этнографии, антропологии)», в нем помещены статьи, посвященные некоторым результатам полевых исследований, проведенных участниками Прибалтийской экспедиции, а также доклады, прочитанные на Вильнюсской конференции³⁹. Второй том представляет собой коллективную монографию М. В. Витова, К. Ю. Марка и Н. Н. Чебоксарова «Этническая антропология Восточной Прибалтики», состоящую из двух частей: 1) «Антропологический состав современного населения» и 2) «История антропологического состава народов Восточной Прибалтики»⁴⁰.

Материалы, собранные Прибалтийской экспедицией, вместе с другими прежними и новыми данными по археологии, антропологии, этнографии, истории и языкознанию литовцев, латышей и эстонцев, дают возможность уже в настоящее время осветить многие общенациональные проблемы, связанные с этими народами, в особенности вопросы первоначального заселения Прибалтики, формирования на ее территории этнических общностей различных периодов — от древних племен до современных наций, вопросы хозяйственно-культурного взаимодействия этих этнических образований с другими народами — восточными и западными.

³⁶ Р. Я. Денисова, К вопросу об антропологическом составе восточных латышей и восточных литовцев, «Изв. АН Латвийской ССР», 1958, № 2.

³⁷ К. Ю. Марк, Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита в Прибалтике, «Изв. АН Эстонской ССР», т. V, Серия общественных наук, 1956, № 1.

³⁸ См.: «Работа Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции в 1956 году», «Сов. этнография», 1957, № 4, стр. 156—163; «Сессии, посвященные итогам экспедиционных исследований 1957 года», «Сов. этнография», 1958, № 5, стр. 128—131; «Сессия, посвященная итогам и перспективам экспедиционных исследований археологов и этнографов», «Сов. этнография», 1959, № 6, стр. 156—161.

³⁹ Под редакцией С. А. Таракановой и Л. Н. Терентьевой, изд. АН СССР, М., 1960.

⁴⁰ Под редакцией В. П. Алексеева и Н. Н. Чебоксарова, изд. АН СССР, М., 1960.

паднославянскими, финскими, германскими (в частности, скандинавскими), истории сложения антропологического состава населения Прибалтики, характерных для нее хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических районов (подобластей), наконец — развития многих сторон хозяйства, общественного строя и культуры: земледелия, животноводства, рыболовства, ремесла и связанных с ними орудий труда, средств передвижения, поселений, жилища и хозяйственных построек, пищи, утвари, костюма, социального состава сельского населения, семейных отношений, некоторых явлений народного творчества. Успехи, достигнутые в разработке перечисленных вопросов, частично отражены в вышедших томах Трудов Прибалтийской экспедиции, а также в других указанных выше работах. Многие из этих вопросов затронуты также в статьях Х. А. и А. Х. Моора и Н. Н. Чебоксарова, помещенных в настоящем номере журнала⁴¹.

Работы по изучению проблем происхождения и этнической истории литовцев, латышей, эстонцев и соседних с ними народов должны быть продолжены. Предстоят еще значительные археологические исследования как в самой Советской Прибалтике, так и на смежных с ней территориях. Особенно важна организация систематических разведок, а также и раскопок памятников периодов позднего палеолита и мезолита, бронзового и раннего железного веков. Следует уделить должное внимание поискам палеоантропологических материалов разных периодов (в первую очередь в Литве и Латвии). Этнографам предстоят еще отдельные маршрутные выезды для завершения «этнографической съемки» территории Советских Прибалтийских республик. Целесообразно также провести работы в архивах для выявления историко-этнографических материалов в письменных памятниках разных периодов. Необходимо дальнейшее углубление и расширение творческого сотрудничества этнографов, антропологов и археологов с фольклористами и языковедами (в частности — диалектологами).

План публикаций Прибалтийской экспедиции на 1959—1965 гг. предусматривает издание нескольких томов ее Трудов. Отдельные тома будут содержать монографии по этнической антропологии Белоруссии, по истории сельскохозяйственных орудий, жилища и одежды народов Советской Прибалтики, а также по их хозяйственно-культурным связям с соседями. Поставлен вопрос о создании Прибалтийского историко-этнографического атласа. Непрерывно расширяя и углубляя тематику своих исследований, совершенствуя конкретные формы их координации, ученые Литвы, Латвии и Эстонии вместе со своими русскими, белорусскими, карельскими и другими коллегами подойдут, несомненно, к разработке еще более сложных проблем этнической истории новейшего времени, — процессов национальной консолидации, формирования буржуазных наций и их преобразования в нации социалистические. Здесь вопросы этнической истории должны будут сойтись с проблемами социалистических преобразований, хозяйства, культуры и быта народов Советской Прибалтики. Именно в процессе таких преобразований складывается современная национальная специфика культуры каждого народа этой страны, вырабатываются новые характерные особенности его образа жизни в период развернутого строительства коммунизма.

В связи с этим следует с удовлетворением отметить, что в последнее время во всех Прибалтийских Советских Республиках значительно активизировалось этнографическое изучение современности. В Литве в ближайшем будущем выходит из печати монография И. П. Буткявичюса «Жилище литовских крестьян в XIX—XX вв.», в которой значительное

⁴¹ Х. А. и А. Х. Моора. К вопросу об историко-культурных подбластих и районах Прибалтики, стр. 21—51; Н. Н. Чебоксаров, О древних хозяйственно-культурных типах народов Прибалтики, стр. 94—115.

место отведено современным, в том числе возводимым в наши дни к хозяйным постройкам⁴². В 1959 г. Этнографический отряд Института истории Академии наук Литовской ССР собрал ценный материал по современной культуре и быту крестьян и рыбаков Клайпедского района В Латвии всестороннее изучение хозяйства, культуры и быта колхозно-крестьянства велось на протяжении многих лет Л. Н. Терентьевой. В настоящее время в Трудах Института этнографии АН СССР печатается ее большая монография, посвященная этой теме. О возросшем интересе к этнографическому изучению современности в Латвии свидетельствуют также статьи А. Крастыни и Л. Ефремовой, помещаемые в настоящем номере журнала. В Эстонии современной культурой и бытом рыбаков занимаются В. Калитс и А. Лутс⁴⁵. Летом 1959 г. начато этнографическое изучение колхозов Раплаского района⁴⁶. В связи с организацией в 1959 г. Институтом этнографии Академии наук СССР комплексной экспедиции по изучению культуры и быта трудящихся нашей страны в период развернутого строительства коммунизма можно выразить уверенность, что в ближайшие годы координированные исследования по этой важнейшей теме будут в широких масштабах развернуты всех Советских республиках Прибалтики.

⁴² Труды Академии наук Литовской ССР, Серия А, 1960, № 1, стр. 237—240 (Хроника: «В Институте истории»).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Л. Н. Терентьева, К вопросу о переходе от хуторского расселения к хозяйным постройкам в Латвийской ССР, «Сов. этнография», 1954, № 1, стр. 63—64; ее же, Опыт изучения семьи и семейного быта латышского колхозного крестьянства, «Сов. этнография», 1958, № 3, стр. 52—71.

⁴⁵ V. Kalits, Kihnalaste kalastusest (Рыбный промысел кихновцев), «Etnograafiuuseumi aastaraamat», XVI, 1959, стр. 166—200 (резюме на русском языке, стр. 200—201); А. Лутс, Эстонское морское рыболовство в XIX—XX веках, «Сов. этнография», 1959, № 3, стр. 26—46; его же, Новое в быту эстонских рыбаков и задачи его изучения, см. ниже, стр. 159—162.

⁴⁶ Л. Феокистова (Живисаар), Н. Шлыгина, Работа Эстонского отряда Прибалтийской экспедиции, см. ниже, стр. 178—179.